

ХАННА И ЕЁ РЕДАКТОР

Читатель этого эссе с горечью обнаружит фамилию автора – Самсона Мадиевского – в траурной рамке. Увы, Самсон Мадиевский покинул мир, о котором так много знал.

Впервые я обратил внимание на это имя лет восемь назад, прочитав его статью в журнале «Гамбургская мозаика». Меня привлекла четкая логика, огромная эрудиция и высочайшая культура автора. Имя запомнилось и, как это бывает, я стал следить за публикациями доктора Мадиевского.

Если память мне не изменяет, тема той давней статьи была как-то связана с Библией, но уже следующие его работы, оказавшиеся в поле моего внимания, были посвящены событиям нашего времени или недавнего прошлого.

Еще через пару лет Самсон Мадиевский передал журналу «Партнер» открытое письмо министру здравоохранения ФРГ г-же Уле Шмидт. Письмо касалось политики ограничения въезда в Германию евреев из бывшего Советского Союза, которую начал проводить тогдашний руководитель германского еврейства Пауль Шпигель. Тогда и произошло наше телефонное знакомство, и я узнал еще об одном качестве Мадиевского: он оказался не только блестящим историком и публицистом, но и человеком огромного политического темперамента.

Последний раз мы тесно общались в процессе подготовки интервью по поводу его блестящего анализа книги немецкого историка Гётса Али «Народное государство Гитлера». Нам не удалось вместить в формат журнальной статьи все аспекты этого анализа, и мы договорились продолжить беседу в одной из мартовских программ интернет-радио «kurs-radio». И тут открылась еще одна грань дарования Мадиевского – умение выступать перед радиослушателями. У него оказалась выразительная речь, запоминающийся голос, он умел держать «мхатовскую» паузу. Беседа вызвала большой интерес, сразу же по ее окончании в студию стали поступать звонки от радиослушателей. Тогда же мы договорились продолжить наши беседы по радио. «Сейчас, – сказал он, – я немного болею, но, думаю, через месяц-другой буду в форме».

Больше нам беседовать не довелось.

Борис Вайнблат, 2007 г.

100-летие со дня рождения Ханны Арендт – одного из самых известных политических мыслителей минувшего века – было отмечено во всём мире. Шире всего – в Германии и США. Мне же в связи с этим вспомнилась одна давняя, хотя и не очень давно – лишь в 2004 году – всплывшая история.

Поскольку с начала 50-х годов Арендт писала по-английски, в Германии её книги выходили в переводах. Выпускало их солидное мюнхенское издательство «Пипер» (она была, пожалуй, самым именитым из его авторов). Наряду с хозяином, Клаусом Пипером, издательством руководил с 1958 г. литературовед-германист доктор Ганс Рёсснер. Он редактировал три книги Арендт – «Венгерская революция и тоталитарный империализм» (1958), «Рахель Фарнхаген: история жизни немецкой еврейки эпохи романтизма» (1959) и «Эйхман в Иерусалиме. Отчёт о банальности зла» (1964).

В каждом из случаев редакционная подготовка рукописей к печати не обошлась без споров. В первом камнем преткновения едва не стало посвящение – «памяти Розы Люксембург». «Как справедливо заметил г-н д-р Рёсснер, – писал Ханне Клаус Пипер, – Ваша брошюра есть страстный призыв к распознаванию сущности и опасности тоталитарного империализма, конкретно говоря, коммунистического насильственного режима. (Арендт противопоставила ему Советы, возникшие в результате «спонтанной революции» 1919 г. в Венгрии. – С. М.). И в то же время брошюра посвящается женщине, которая по общепринятому среди непосвященных представлению принадлежит к числу провозвестников того же коммунизма в Германии. Вследствие этого у чи-

тателя, впервые берущего книгу в руки и ещё не знающего содержания, возникает о ней неверное представление». В качестве выхода из ситуации Пипер и Рёсснер предлагали расширенный текст: «Памяти свободолюбивой социалистки Розы Люксембург, не хотевшей никакого тоталитарного коммунизма». Однако Ханна Арендт, которая – нужно это признать – была нелёгким для издателей автором, отрезала: «Посвящение – не место для пространных разъяснений». И добавила: «Бедная Роза! Скоро 40 лет, как её нет в живых, а она всё ещё оказывается промеж всех стульев».

Здесь, по-видимому, необходимо пояснение. В конце 1917 г. в брошюре «Русская революция», написанной в немецкой тюрьме, Роза Люксембург пророчески предредила судьбу пресловутой «диктатуры пролетариата», ставшей для большевиков альфой и омегой политической мудрости: «Диктатура класса над массой неизбежно превратится в диктатуру партии над классом, в диктатуру клики над партией и диктатуру лидера над кликой». Помимо близости идейной (по крайней мере в этом пункте) имелось и психологическое сродство: Ханна тоже всегда оказывалась «промеж всех стульев». Михаил Хейфец в отличной книге «Ханна Арендт судит XX век» констатирует: человек бесспорно левых взглядов, в высшей степени критичный по отношению к капитализму, она в то же время на дух не принимала «реальный социализм», рассматривая его как разновидность ненавистного ей тоталитаризма. Бесправной эмигранткой во Франции она выступала против правительства Лавалья, а позднее в Штатах – против могущественного тогда сенатора Маккарти. Возглавляя еврейские организации в Париже и Нью-Йорке, вызывала раздражение начальства строптивой независимостью. «Я не подхожу ни к кому», – отвечала она, когда у нее пытались выяснить, к какому лагерю она принадлежит – к правым или левым, либералам или консерваторам. Вот почему её так тронуло, когда однажды на студенческой вечеринке в Беркли она узнала, что между собой её юные слушатели зовут её «Розой» – она не ожидала такого проникновения в свою духовную суть.

По поводу второй книги – о Рахель Фарнхаген (её немецкая рукопись пролежала почти четверть века) – тоже возникли трения, на сей раз в связи с подзаголовком. В оригинале он звучал: «История одной жизни в начальную эпоху эмансипации немецких евреев». Рёсснер, ознакомившись с текстом, рассыпался в комплиментах: «Глубокоуважаемая милостивая госпожа, если разрешите употребить, пожалуй, несколько затрёпанное выражение, я нахожу эту книгу действительно завораживающей...» Он выражал уверенность, что у неё «будет множество глубоко заинтересованных и благодарных читателей» и сообщал, что издательство «с неподдельным восторгом» приступает к работе над текстом. Но, по мнению Рёсснера, подзаголовок «немного слишком подробен», вследствие чего книга «может показаться широкому читателю слишком уж специальной». Рёсснер и Пипер предлагали укоротить его – написать просто «История одной жизни». «Наши размышления, – заверяли они, – клонятся не к тому, чтобы элиминировать содержание Вашего повествования, а ставят целью вызвать как можно более широкий интерес к нему, в том числе и посредством простого, в известной мере общедоступного названия».

Ханна ответила: да, конечно, ваш вариант подзаголовка короче и проще, но – должно же где-то появиться слово «еврей»! И добавила: «Я не верю, что вследствие этого круг читателей сузится; у лучших людей Германии интерес к еврейскому вопросу сейчас очень живой».

Против слов «но должно же где-то в заголовке появиться слово “еврей”» Рёсснер поставил на поле пометку «нет!» и передал письмо Пиперу. Тот, со своей стороны, поспешил заверить Арендт, что ему и Рёсснеру одинаково чуждо опасение оттолкнуть этим словом «проникнутых враждебностью» читателей, они такими просто не интересуются.

Удачное решение – приведенный уже окончательный вариант подзаголовка – пришло в голову жене Пипера. Ханна согласилась сразу и с благодарностью: «Это замечательно – здесь есть всё, что нужно читателю... Это и вправду была романтическая жизнь, но притом – именно в еврейской тональности».

Самый серьёзный конфликт возник, однако, при издании «Эйхмана в Иерусалиме». Получив английский оригинал рукописи, Пипер сообщил, что «весьма впечатлён твёрдостью и ясностью изложения», но – в некоторых местах «представляется желательной определённая дифференциация суждений». Вскоре выяснилось, о чем идет речь: в книге отмечалось, что на процессе Эйхмана ряд видных должностных лиц ФРГ были изобличены как «убийцы или соучастники массовых убийств».

Издательство направило текст на юридическую экспертизу, результаты коей Рёсснер переслал Арендт. Эксперт счёл, что ряд мест в книге могут повлечь за собой судебные иски со стороны упомянутых автором лиц. Ханна ответила непосредственно Пиперу, и ответила резко: «Вы должны

решить, чего Вы, собственно, хотите: издать книгу такой, какая она есть ... или отказаться от издания». И добавила: «Самое замечательное здесь – поистине трогательная забота этого господина (эксперта. – С. М.) о нацистских преступниках, в том числе осуждённых немецкими судами, и их «чести». Я с удовольствием опубликую здесь это заключение – оно лучше обрисует обстановку в Германии, нежели множество статей».

Встревоженный Пипер поспешил телеграфировать: «Пожалуйста, не беспокойтесь... Всё идет наилучшим образом. Письмом подробно». В письме он сожалел, что отзыв юриста был переслан Ханне, но просил «войти в положение» – учесть, что «немецкое издание выходит в совершенно иной психолого-политической ситуации» и что в Германии можно вчинить иск за оскорбление, даже если срок исковой давности по американскому изданию истёк. Ханна в конечном счете пошла на уступку, ограничившись термином «соучастники массовых убийств». Разоблачение их на процессе Эйхмана, заключила она, «дает представление о масштабах общественного бедствия в послевоенной Германии».

Помимо деловой переписки сохранилось несколько писем Рёсснера, так сказать, личного характера. По поводу речи Арендт при вручении ей премии Лессинга (Гамбург, 1959) он, например, писал: «Это было для меня поистине захватывающим чтением. То, что во второй и третьей частях Вашей речи сказано о человечности и истине, принадлежит, на мой взгляд, к главному, что было когда-либо высказано на сей счёт. Как жаль, что нет возможности лично и подробно поговорить с Вами об этом». В другой раз он сообщал о реакции на её телевизионное интервью: «Дорогая милостивая госпожа, совершенно незабываемо впечатление от Вашей личности и, если позволите так сказать, от этой убедительной, совершенно естественной и вместе с тем выдающейся «человечности в мрачные времена»...» Утешительно и ободряюще для нас то, что Вы есть, и то, что Вы такая, как Вы есть».

На все эти излияния Ханна отвечала вежливо, но коротко, сухо, подчас саркастично. Она умерла в 1975 г., так и не узнав, кто был её почтительный, а временами и восторженный корреспондент.

* * *

Ганс Рёсснер, родившийся в 1910 г. в семье школьного учителя, закончил Лейпцигский университет по специальностям «германистика» и «история». В 1933 г. он вступил в СА, в 1934 г. – в СС и СД. В 1936 г. занял ассистентскую должность у своего университетского учителя профессора Карла Юстуса Обенауэра, который получил кафедру в Боннском университете. Обенауэр, член НСДАП с 1933 г. и тоже сотрудник СД, относил его к «нашей заслуживающей наибольшего поощрения смене».

Вместе они провели операцию по лишению Томаса Манна титула почётного доктора Боннского университета, после чего взялись за известного немецкого поэта Стефана Георге. В своей докторской диссертации Рёсснер, не задев творчества самого Георге, обрушился на его «духовно иудаизированный» круг: вследствие «притупления расово-биологического и духовно-расового инстинкта» окружение поэта было, по его определению, движимо «тем эстетско-гуманистическим наследием, которое, став общеевропейским достоянием, всё более отрывалось от национальных жизненных основ». Несовместимое с задачами литературы, проникнутой «национально-расовым» духом, такое мироощущение, заключал Рёсснер, должно быть бескомпромиссно выкорчевано.

В 1938 г. Рёсснер подал начальству в СД докладную записку о «положении и задачах в области германистики и немецкого литературоведения». Наряду с прочими сведениями она содержала и список немецких германистов и литературоведов, разделённых на категории – «противников» (масонов, евреев, католиков и т. д., всего 50 человек) и «позитивно настроенных» («по своим научным, мировоззренческим и политическим позициям не вызывающих возражений», всего 18 человек). Докладная обращала, далее, внимание на «нетерпимое положение», при котором кафедры немецкой литературы и редакции немецкоязычных журналов за рубежом «оккупированы эмигрантами и евреями», вследствие чего эти «важные в культурно-политическом отношении позиции» потеряны для рейха. В заключение в записке выдвигалась идея «культурно-политического четырёхлетнего плана», который, посредством финансирования полезных проектов, призван был обеспечить национал-социалистическому государству растущее влияние в сфере культуры.

В 1939 г., в связи с началом войны, Рёсснер был призван в армию, но СД быстро добила его возвращения к прежнему месту службы. С тех пор и до конца рейха он занимал пост референта по делам национальной культуры и искусства в Управлении внутренней безопасности РСХА. В

1944 г. ему было присвоено звание оберштурмбаннфюрера (подполковника). Подписывая представление, рейхсфюрер СС Гиммлер высказал пожелание, чтобы Рёсснер «принял участие в охранно-полицейских акциях на Востоке». Однако эта «почётная командировка», которая впоследствии привела ряд его коллег по РСХА на виселицу, по каким-то причинам не состоялась.

Работа же Ганса Рёсснера в Управлении удостоилась самых лестных оценок. Начальство характеризовало его как «одного из способнейших» сотрудников, «творческого человека», который смог «столь чётко и ясно выработать для своего отдела основные национал-социалистические установки, что ряд решений в области культурной работы во время войны был принят на основе его предложений». В характеристиках отмечалось, что «способности и глубокая проникнутость национал-социалистическим мировоззрением» делают Рёсснера, среди прочего, «особо востребованным оратором на партийных мероприятиях».

Одним из его ораторских триумфов стал доклад на тему «Гуманизм и гуманность» на заседании Общества германистов в Ганновере в мае 1943 г. Третий рейх, вещал Рёсснер, снова ведёт «судьбоносную борьбу» против Запада с его «англо-американской гуманистической идеологией» и Востока с его «крайней большевистской формой той же идеологии». Решается вопрос, «удастся ли возникшие на германской основе начала внедрить в духовную структуру Европы, или универсалистские идеи европейской культурной традиции вновь приведут к фиктивному общеевропейскому сознанию...»

В апреле 1945 г. Рёсснер вместе с начальником Управления Олендорфом и рядом других сотрудников бежит во Фленсбург, где обосновалось т. н. правительство Дёница (на всякий случай у каждого — ампула с цианистым калием во рту). Там в мае 1945 г. его арестовывают американцы. До 1948 г. Рёсснер пребывает в заключении. В 1946 г. его и Олендорфа допрашивают на Нюрнбергском процессе в качестве свидетелей защиты — оба пытаются доказывать, что СД было чем-то вроде службы изучения общественного мнения, объективно и критично информировавшей руководство рейха о настроениях населения. Эти потуги, однако, успеха не возымели — суд признал СД, так же как и СС и гестапо, преступными организациями. За членство в первых двух Рёсснер был приговорен в 1948 г. к штрафу в размере 2000 марок (тогда, сразу после денежной реформы, это была значительная сумма). Но, поскольку закон давал возможность заменить штраф тюремным заключением и засчитывал пробытый под стражей срок, прямо из зала суда он вышел на свободу.

Рёсснер устроился редактором в издательстве «Шталлинг», где в тёплой компании еще двух бывших коллег по РСХА трудился над выпуском книг, которые во многом проповедывали прежние взгляды. Впрочем, в послевоенной Германии это не было редкостью. «В демократов эти преступники отнюдь не превратились, — замечает историк Михаэль Вильдт, — но смекнули, что “новый шанс” для них состоит не в активной политической деятельности, а скорее в уходе от уголовного преследования и тихом, незаметном вращении в нарождающееся общество потребления». И действительно, бывшие подчиненные Гейдриха и Кальтенбруннера преуспевали в издательствах, прессе, в высших учебных заведениях, в консалтинге, маркетинге, рекламе.

Из «Шталлинга» Рёсснер перешел в издательство «Инзель», а оттуда — в «Пипер», уже на должность главного редактора. Хозяину издательства он сказал, что был членом НСДАП, но тот не счёл это препятствием — ведь преступной организацией в Нюрнберге была объявлена не партия в целом, а лишь её руководство; рядовые члены, при отсутствии персональных обвинений, квалифицировались как попутчики.

* * *

Упомянутый уже Михаэль Вильдт, автор фундаментального труда о руководящем персонале РСХА «Поколение безотказных» и статьи «Переписка с неизвестным», откуда почерпнута большая часть сведений о Рёсснере и его отношениях с Арендт, считает, что применить в данном случае максимуму «*Einmal Nazi, immer Nazi*» («Кто был нацистом, им и останется»), пожалуй, нельзя. Ведь в этих сношениях Рёсснер не выступал уже как активный нацист, продолжающий старую борьбу с «мировым еврейством». (Ещё бы! Он ведь из ума не выжил. — С. М.). Но, недоумевает Вильдт, как он мог вообще заниматься этим — читать её тексты, оценивать, что-то предлагать, обсуждать (в частности, какой термин — *Judenfrage* или *jüdische Frage* — правильнее), наконец, лично контактировать с ней? Как он мог писать: «утешительно и ободряюще ... то, что Вы есть», — зная, что попади она в своё время в руки его коллег, дорога ей была бы одна — в газовую камеру. Почему ему не пришло в голову отстраниться хотя бы от работы над «Эйхманом в Иерусалиме»,

предоставив сношения с ней Пиперу. (Это, на мой взгляд, тоже понятно – ведь отстранение пришлось бы мотивировать.) Ответ Вильдта гласит: в «тупоумной навязчивости», с которой Рёсснер старался сблизиться с Ханной, отразилась «душевная глухота множества немцев по отношению к их прошлым деяниям».

Удивляет, однако, другое его утверждение – что Рёсснер искренне восхищался Арендт («он читал ее как политического мыслителя, оратора, как видного интеллектуала – по его прежней терминологии, как «духовную величину»). Мешало ему лишь её еврейство, и именно его он хотел «элиминировать». Такой подход, считает Вильдт, был тоже характерен для многих в послевоенной Германии – чтобы преступники освободились от своего прошлого, выжившие жертвы должны были перестать быть евреями («желание, которое лишней раз показывает, сколь тотальным было стремление уничтожить еврейство»).

Насколько, однако, это объясняет поведение Рёсснера? Могла ли у него быть хоть малейшая надежда «очистить» облик Ханной от еврейства – пусть лишь для своего «внутреннего употребления»? Любому, кто знает жизнь и книги Арендт, ответ очевиден. Нерелигиозная, чуждая всякого национализма, ассимилированная в немецкой культуре, она оставалась еврейкой по всей своей «сути и стати». М. Хейфец правильно подметил: место, которое раздел «Антисемитизм» занимает в ее главном труде (треть объёма!), нельзя объяснить, исходя из объективных критериев, т. е. из роли этого явления в исследуемых ею мировых процессах. Треть – «потому, что автор – еврейка, и тема волновала её ... как первостепенная личная драма».

Юной девушкой она сказала своему руководителю Ясперсу: «Я пытаюсь осмыслить историю, понять то, что в ней говорят, исходя из того, что уже знаю на собственном опыте». И поступала так всегда. Не видеть ее *Jüdischsein*, не ощущать его нельзя было, и нельзя было это изменить. В самом деле, что – книга о Рахели стала бы иной, если из подзаголовка исчезло бы слово «еврей»? Или, в другом случае, изменилось бы содержание «Эйхмана в Иерусалиме» от того, что бывшие нацисты были названы не убийцами, а «соучастниками убийств»?

Более того – разве только еврейство не устраивало Рёсснера в Ханне? Ведь и в других вопросах – о национальном и универсальном, о свободе, о гуманизме – они тоже на деле остались антиподами. Так что дифирамбы его «воплощению человечности в мрачные времена» были ложью, мимикрией от начала до конца.

Прав Вильдт в другом: «У таких, как Рёсснер, и через двадцать лет после совершенного на чистоту отсутствовало понимание того, что они причинили другим людям». Тот же диагноз поставила Арендт Эйхману: «Он был не в состоянии представить себе что-либо с точки зрения иного человека».

Когда и где утратили они эту способность? Вероятно, у каждого было это по-разному. Но всегда – необратимо.